

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2026 Том 31, №3

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2026

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2026 Vol. 31, №3

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2026

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2026. Т. 31. № 3

Раздел I. АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Шульга П. И.</i> Женский головной убор-парик пазырыкской культуры из могильника Чесноково-2 (Алтай)	7
<i>Ши Ханьда, Курбанала Ж.</i> Зооморфные мотивы могильника Мацзяюань и отраженное в них культурное многообразие	22
<i>Илюшин А. М.</i> Средневековый комплекс вооружения на курганном могильнике Ваганово-1	46

Раздел II. ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Кайряк А. А.</i> Особенности демографического развития российских немцев в конце XIX — начале XX в. (на примере Санкт-Петербургской губернии и Степного края)	60
<i>Лиджиева И. В.</i> От традиционных целителей к дипломированным врачам: медицинская помощь в кочевом обществе последней трети XIX — первой трети XX в.	76
<i>Кобец О. В.</i> Перепись населения 1926 г. и несостоятельность тезиса о местах компактного проживания белорусов в регионах российско-белорусского приграничья в 1920–1930-е годы	91
<i>Кондратюк Г. Н.</i> Советская этнополитика в отношении национальных меньшинств в Крымской АССР в 1920–1930-х годах	108
<i>Шайдуров В. Н., Осипов Н. А.</i> Национальная политика в Ленинградской области в 1920–1930-е гг.	119
<i>Альховик Н. К.</i> Особенности национальной политики в отношении этнических меньшинств БССР в 1920–1941 гг.	142
<i>Чернышева Н. В., Ажигулова А. И.</i> Этническое большинство и этнические меньшинства северо-западной части РСФСР: общие тенденции и специфика воспроизводства в 1939–1959 гг.	165

Раздел III. РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Васильев Д. В.</i> Православная церковь в туркменском оазисе: храм во имя Святителя Алексия Митрополита Московского в Мургабском государственном имении	189
<i>Шершинева Е. А.</i> Положение ссыльных мусульман Сибири в контексте государственно-конфессиональной политики Российской Империи	210
<i>Дашковский П. К., Бичелдей У. П., Монгуш А. В.</i> Положение буддийских общин в Туве в условиях ужесточения государственно-конфессиональной политики в СССР в конце 1950-х — первой половине 1960-х гг.	229

ДЛЯ АВТОРОВ	252
--------------------------	-----

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2026, vol. 31, no. 3

Section I. **ARCHEOLOGY AND ETNO-KULTURAL HISTORY**

<i>Shulga P.I.</i> The Female-headdress wig of Pazyryk culture from Chesnokovo-2 (Altai)	7
<i>Shi Handa, Kurbanali Zh.</i> Zoomorphic decoration and cultural diversity at the Majiayuan cemetery	22
<i>Ilyushin A.M.</i> The medieval armament complex at the Vaganovo-1 burial mound.....	46

Section II. **ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY**

<i>Kairiak. A.A.</i> Features of the demographic development of Russian Germans in the late 19th and early 20th centuries (on the example of St. Petersburg province and Steppe Region)	60
<i>Lidzhiyeva I.V.</i> From traditional healers to qualified physicians: medical care in nomadic society in the last third of the 19th — first third of the 20th century.....	76
<i>Kobets O.V.</i> Population census of 1926 and the inconsistency of the thesis about the places of compact residence of Belarusians in the regions of the Russian-Belarusian border in the 1920s-1930s.	91
<i>Kondratyuk G.N.</i> Soviet ethnopolitics towards national minorities in the Crimean ASSR in the 1920s-1930s.....	108
<i>Shaidurov V.N., Osipov N.A.</i> National policy in the Leningrad Region in the 1920s and 1930s.	119
<i>Alkhovik M.K.</i> Features of the national policy towards the BSSR ethnic in 1920–1941	142
<i>Chernysheva N.V., Azhigulova A.I.</i> Features of the national policy towards the BSSR ethnic in 1920–1941	165

Section III. **RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS**

<i>Vasilyev D.V.</i> An Orthodox Church in a Turkmen Oasis: The Church of St. Alexis, Metropolitan of Moscow, in the Murghab Sovereign's Estate.....	189
<i>Shershneva E.A.</i> The Status of Exiled Muslims in Siberia in the Context of the Russian Empire's State Policy toward Religious Communities.....	210
<i>Dashkovskiy P.K., Bicheldey U.P., Mongush A.V.</i> The situation of Buddhist communities in Tuva in the context of the tightening of state-confessional policy in the USSR in the late 1950s — first half of the 1960s.....	229

FOR AUTHORS	252
--------------------------	-----

УДК 322

DOI 10.14258/nreur(2026)3–13

*П. К. Дашковский**Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)**У. П. Бичелдей**Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (Кызыл, Россия)**А. В. Монгуш**Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (Кызыл, Россия);
Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)*

ПОЛОЖЕНИЕ БУДДИЙСКИХ ОБЩИН В ТУВЕ В УСЛОВИЯХ УЖЕСТОЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СССР В КОНЦЕ 1950-Х — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-Х ГГ.

В СССР после смерти И. В. Сталина изменяется государственно-конфессиональная политика в сторону ее ужесточения по отношению к религиозным общинам. Настоящая статья посвящена анализу антирелигиозной кампании в период руководства страной Н. С. Хрущевым, которая наиболее наступательный характер приобрела в 1958–1964 гг. В исследуемый исторический период времени жесткие меры и воздействия атеистической кампании по всей стране привели к массовому закрытию культовых объектов и ликвидации общин разных религиозных направлений. Целью исследования являлось изучение положения буддийских общин в Туве в контексте государственно-конфессиональной политики СССР в конце 1950-х — первой половине 1960-х гг. Источниковой базой исследования послужили нормативно-правовые документы и архивные материалы Государственного архива Российской Федерации и Национального музея Республики Тыва, отражающие особенности реализации хрущевской антирелигиозной кампании в регионе. В процессе исследования установлено, что атеистическая кампания Н. С. Хрущева в итоге привела к ликвидации буддийской общины и закрытию их молитвенной юрты в Туве. Авторам удалось установить мотивы и причины приостановления деятельности буддийского центра в местности Кызыл-Чыраа Дзун-Хемчикского района на региональном и центральном уровнях в годы «хрущевской оттепели». Тем не менее буддийские знания и традиции в неорганизованном и подпольном виде продолжились в народной среде, несмотря на усиление в регионе государственного контроля за религиозными процессами. В исследуемый пери-

од в Туве впервые на постоянной основе был назначен уполномоченный представитель по взаимодействию с государственными органами в области религии при Совете Министров СССР. В результате удалось наладить реализацию государственно-конфессиональной политики на региональном уровне и привести в соответствие с нормативами необходимую документацию.

Ключевые слова: СССР, Тува, Тувинская автономная область, Тувинская АССР, государственно-конфессиональные отношения, антирелигиозная политика, атеистическая кампания, буддизм, буддийская община

Для цитирования:

Дашковский П. К., Бичелдей У. П., Монгуш А. В. Положение буддийских общин в Туве в условиях ужесточения государственно-конфессиональной политики в СССР в конце 1950-х — первой половине 1960-х гг. // Народы и религии Евразии. 2026. Т. 31. № 3. С. 229–251. [https://doi.org/10.14258/nreur\(2026\)3–13](https://doi.org/10.14258/nreur(2026)3–13)

Дашковский Петр Константинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, заведующий лабораторией этнокультурных и религиоведческих исследований Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** dashkovskiy@fpn.asu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4933-8809>

Бичелдей Ульяна Павловна, доктор религиоведения (Ph. D), заведующая сектором религиоведения Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Кызыл (Россия). **Адрес для контактов:** opei-ool@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5588-9167>

Монгуш Алиссия Витальевна, научный сотрудник сектора религиоведения Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Кызыл (Россия); аспирант кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** alismon@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3164-1463>

P. K. Dashkovskiy

Altai State University, Barnaul (Russia)

U. P. Bicheldey

Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva (Kyzyl, Russia)

A. V. Mongush

Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva (Kyzyl, Russia); Altai State University (Barnaul, Russia)

THE SITUATION OF BUDDHIST COMMUNITIES IN TUVA IN THE CONTEXT OF THE TIGHTENING OF STATE-CONFESSIONAL POLICY IN THE USSR IN THE LATE 1950S — FIRST HALF OF THE 1960S

In the USSR, after the death of I.V. Stalin, state-confessional policy changed towards a harsher approach to religious communities. This article is devoted to the analysis of the anti-religious campaign during the leadership of the country by N.S. Khrushchev, which acquired its most offensive character in 1958–1964. During the historical period under study, harsh measures and the impact of the atheistic campaign throughout the country led to the mass closure of religious sites and the liquidation of communities of various religious denominations. The aim of the study was to examine the situation of Buddhist communities in Tuva in the context of the state-confessional policy of the USSR in the late 1950s — first half of the 1960s. The source base of the study was regulatory and archival documents and materials of the State Archives of the Russian Federation and the National Museum of the Republic of Tuva, reflecting the specifics of the implementation of Khrushchev's anti-religious campaign in the region. The study established that the atheistic campaign of N.S. Khrushchev's thaw ultimately led to the liquidation of the Buddhist community and the closure of their prayer yurt in Tuva. The authors were able to establish the motives and reasons for the suspension of the Buddhist center in the Kyzyl-Chyraa area of the Dzun-Khemchiksky district at the regional and central levels during the “Khrushchev thaw.” Nevertheless, Buddhist knowledge and traditions, in an unorganized and clandestine form, continued among the people despite the strengthening of state control over religious processes in the region. During the period under study, an authorized representative for interaction with state bodies in the field of religion was appointed for the first time on a permanent basis in Tuva under the Council of Ministers of the USSR. As a result, it was possible to establish the implementation of state-confessional policy at the regional level and bring the necessary documentation into compliance with regulations.

Keywords: USSR, Tuva, Tuva Autonomous Region, Tuva ASSR, state-confessional relations, anti-religious policy, atheistic campaign, Buddhism, Buddhist community

For citation:

Dashkovskiy P.K., Bicheldey U.P., Mongush A.V. The situation of buddhist communities in Tuva in the context of the tightening of state-confessional policy in the USSR in the late 1950s — first half of the 1960s. *Nations and Religions of Eurasia*. 2026, vol. 31, no. 3, pp. 229–251 [https://doi.org/10.14258/nreur\(2026\)3–13](https://doi.org/10.14258/nreur(2026)3–13)

Dashkovskiy Petr Konstantinovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations, Head of the Laboratory of Ethnocultural and Religious Studies, Altai State University, Barnaul (Russia). **Contact address:** dashkovskiy@fpn.asu.ru;

<https://orcid.org/0000-0002-4933-8809>

Bicheldey Ulyana Pavlovna, Doctor of Religious Studies (Ph. D.), Head of the Religious Studies Unit, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of Tuva, Kyzyl (Russia). **Contact address:** opei-ool@yandex.ru;

<https://orcid.org/0000-0001-5588-9167>

Mongush Alissiya Vitalyevna, Researcher of the Religious Studies Unit, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of Tuva; postgraduate student (Religious studies), Altai State University, Barnaul (Russia).

Contact address: alismon@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3164-1463>.

Введение

В современной российской науке особое внимание исследователей обращено на опыт государственно-конфессиональных отношений в СССР, в т. ч. в отдельных регионах. В этой связи особое место в обозначенном проблемном поле занимает изучение антирелигиозной кампании (1954–1964 гг.) в период руководства страной Н. С. Хрущевым.

В отечественной науке по отдельным аспектам изучения положения буддийских общин в СССР и Туве в период реализации хрущевской антирелигиозной кампании ценные сведения дают работы таких исследователей, как А. В. Горбатов [2008], А. А. Терентьев [2014], О. М. Хомушку [2024], М. В. Монгуш [2001], У. П. Опей-оол [2007], А. В. Монгуш [2022], В. А. Ахмадуллин [2023] и др. Вместе с тем история взаимоотношений тувинских буддистов и органов советской власти на региональном и центральном уровнях требует изучения в рамках завершающего этапа антирелигиозной кампании. Цель данного исследования — изучить положение буддийских общин в Туве в контексте усиления атеистической политики СССР в конце 1950-х — первой половине 1960-х гг.

Источниковой базой исследования послужили нормативно-правовые документы и архивные материалы фонда «Совет по делам религии при Совете Министров СССР» Государственного архива Российской Федерации и фонда «Религия» научного архива Национального музея Республики Тыва. В научный оборот вводятся исторические документы, которые дают ценные сведения по взаимоотношениям буддистов и органов советской власти в период усиления антирелигиозной политики в СССР в конце 1950-х — первой половине 1960-х гг.

Усиление антирелигиозной политики в Туве в конце 1950-х — первой половине 1960 гг.

В истории СССР атеистическая кампания, которая проходила в 1954–1964 гг., получила свое название по фамилии руководителя страны Н. С. Хрущева. При этом его имя в истории, как известно, связано с перегибами в разных областях, в т. ч. и в сфере религии. Все дело в том, что в стране именно период реализации кампании является са-

мым тяжким и болезненным для верующей части советских граждан. Такие позитивные социально-политические преобразования в годы «хрущевской оттепели», как демократизация советского общества, к сожалению, не коснулись его конфессиональных образований — наоборот, в отношении них усилилось антирелигиозное давление.

Хрущевскую кампанию (1954–1964 гг.) можно условно разделить на два этапа (1954–1957 гг. и 1958–1964 гг.) в зависимости от характера принятых государством антирелигиозных постановлений, а также степени ужесточения или смягчения мероприятий при ее проведении. Религия на тот период расценивалась как груз прошлого и препятствие в выполнении планов социалистического государства на пути к светлому коммунистическому будущему. Рассмотрим первый и второй этапы атеистической кампании с целью обзорно исследовать и проследить особенности и результаты каждого из них.

На первом этапе (1954–1957 гг.) хрущевской кампании в стране было лишь кратковременное наступление на религиозные общины в период между выходами двух антирелигиозных документов в 1954 г. [КПСС в резолюциях..., 1985: 428–432, 446–450]. Новое постсталинское руководство в рамках борьбы за политическую власть и десталинизации общества иногда принимало поспешные решения, в т. ч. и на законодательном уровне. Принятие постановления от 7 июля 1954 года «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» привело к общесоюзной негативной тенденции — фактам грубого обращения советских и партийных работников с приверженцами религии [КПСС в резолюциях..., 1985: 428–432]. ЦК КПСС незамедлительно отреагировал на разворачивающиеся события и приостановил их дальнейшее развитие в стране принятием следующего юридического документа. В период, когда новые лидеры еще не укрепили свои позиции, власти было невыгодно иметь отрицательный настрой в стране среди ее населения. Постановление от 10 ноября 1954 года «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» осудило оскорбляющее чувства верующих граждан поведение советских пропагандистов, но также рекомендовало им продолжить воспитание граждан в атеистическо-материалистическом духе [КПСС в резолюциях..., 1985: 446–450]. 1955–1957 гг. являлись благоприятными для религиозных общин, поскольку их положение в стране в тот период было относительно стабильным, а проводимые в отношении них мероприятия носили умеренный атеистический характер [Горбатов, 2008: 165–166; Дашковский, Дворянчикова, 2015: 75].

Тува после вхождения в состав СССР в 1944 г. была постепенно включена во все правовые и социокультурные процессы, в т. ч. и религиозные. Конфессиональная ситуация в регионе в период с 1954 по 1957 гг. была схожа с другими советскими административными субъектами. Однако следует отметить, что тогда не было ни одного случая регистрации религиозных объединений и культовых объектов. В Тувинской автономной области официально действовали приходы и функционировали церкви лишь православных верующих в городах Туран и Кызыл, которым удалось получить документы о юридическом оформлении еще в начальный период становления советской системы государственно-конфессиональных отношений [Дашковский, Монгуш, 2024: 529]. Представители буддийского, старообрядческого и протестантского объединений из-за нерешенности вопроса регистрации их общин и культовых зданий по-прежнему

безрезультатно подавали ходатайства согласно их конституционным правам на свободное отправление религиозных культов, «гарантируемым» всем советским гражданам [Дашковский, Монгуш, 2024: 217–218]. Следовательно, в 1955–1957 гг. названные общины в регионе вели относительно свободную религиозную деятельность, но нелегально.

Постановления Советского Союза, принятые на первом этапе (1954–1957 гг.) антирелигиозной кампании, не принесли для власти ожидаемых результатов. Однако XX съезд КПСС, который состоялся в 1956 г., определил дальнейший ход и развитие событий в государстве и в сфере религии. На партийном собрании ставился вопрос и об усилении коммунистического воспитания в советском обществе. После этого съезда власть Н. Хрущева окончательно утвердилась на политической арене, что негативно сказалось на положении конфессий в стране.

Пик обострения борьбы с религией в государстве пришелся на второй этап (1958–1964 гг.) хрущевской атеистической кампании, а именно с выхода постановления ЦК КПСС «Записка Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды» от 4 октября 1958 г. с грифом «секретно» [Горбатов, 2008: 167; Дашковский, Дворянчикова, 2015: 76]. В стране вновь остро встал вопрос о целенаправленной идеологической работе путем применения различных форм и методов атеистической пропаганды. Следовательно, только атеизм на тот период признавался нужной идеологией для советских граждан, идущих к светлomu коммунистическому будущему.

Усиление советской атеистической политики в годы «хрущевской оттепели» в рассматриваемый период во многом связано с выходом постановлений ЦК КПСС от 13 января 1960 г. «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах» и СМ СССР от 16 марта 1961 г. «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах» [Горбатов, 2008: 170; Дашковский, Дворянчикова, 2015: 76]. Вместе с постановлением 1961 г. была издана «Инструкция по применению законодательства о культах» с грифом «не для печати», утверждённая Советом по делам религиозных культов и Советом по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР [НА НМ РТ. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165–2. Л. 217–225]. Согласно указанным документам партийные и государственные органы власти регламентировали государственный контроль в отношении религиозных общин.

Идеологические мероприятия на втором этапе (1958–1964 гг.) хрущевской кампании в государстве носили агрессивный и наступательный характер, в отличие от первого (1954–1957 гг.). В регионах страны вновь развернулось пропагандистское наступление на «пережитки прошлого» среди советских людей, результатом которого стало существенное сокращение количества функционирующих общин и их культовых объектов в обществе [Горбатов, 2008: 184–202]. Тува не была исключением, и ее общины буддийской, православной и протестантской направленности пострадали в ходе аналогичных антирелигиозных процессов и мероприятий [Монгуш, 2022: 60].

В стране ключевую роль в реализации государственно-конфессиональной политики играли, как и ранее, уполномоченные Совета по делам Русской православной церкви и Совета по делам религиозных культов при СМ СССР. Кроме того, стоит отметить важный момент для региона: впервые в Туве был решен кадровый вопрос по со-

вмещению функций представителя обоих Советов в одном лице. Им стал Г. В. Иванов, который в исследуемый период являлся секретарем Тувоблисполкома, ведая и делами православных и неправославных общин региона на постоянной основе [НА НМ РТ. Ф.Ф. 1. 1/1. Д. 165–2. Л. 153]. Благодаря его работе с 1958 г. началось систематическое ведение делопроизводственных документов на местном уровне [НА НМ РТ. Ф.Ф. 1. 1/1. Д. 165–1; Д. 165–2].

Таким образом, укрепление власти Н. С. Хрущева привело к усилению в стране советской государственно-конфессиональной политики в конце 1950-х — первой половине 1960-х гг. Несмотря на общее «потепление» условий жизни советских людей, государственный контроль над духовной сферой общества продолжался. Положение религиозных общин в государстве в исследуемый период стало неустойчивым в связи с проведением жестких мер и усилением антирелигиозной пропаганды. Второй этап (1958–1964 гг.) атеистической кампании стал самым тяжелым периодом для верующих людей в послевоенное время, поскольку по всей стране массово были распущены религиозные объединения и закрыты их культовые объекты.

В Туве в исследуемый период с назначением постоянного полномочного представителя профильных органов — Совета по делам Русской православной церкви и Совета по делам религиозных культов при СМ СССР — продолжилось развитие советской системы государственно-конфессиональных отношений. В рамках антирелигиозной кампании, как и в других субъектах советского государства, в регионе вновь развернулась соответствующая работа органов власти и пропаганды, которая негативно сказалась на положении верующих людей разных религиозных направлений и атеистическом воспитании населения в целом. Местная власть усилила контроль и над буддийской общиной в местности Кызыл-Чыраа Дзун-Хемчикского района в годы «хрущевской оттепели».

Положение буддийских общин в Туве в 1958–1964 гг.

В октябре 1958 г. ЦК КПСС издал секретное постановление «Записка Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды» [Горбатов, 2008: 167; Дашковский, Дворянчикова, 2015: 76]. Его выход означал усиление и в тувинском обществе идеологической борьбы с религиозными «предрассудками» в пользу материалистического видения мира. С этого года в регионе, как и по всей стране, наступает новый виток напряженных отношений между государством и общинами верующих. Хрущевская атеистическая кампания вновь стала набирать обороты, что непременно сказалось на общинах буддистов, православных и протестантов в Тувинской автономной области/Тувинской АССР [Монгуш, 2022: 60].

Годом ранее, в августе 1957 г., буддийское духовенство Тувинской автономной области пригласили в молитвенную юрту нового председателя ЦДУБ СССР XVIII Пандито Хамбо-ламу Еши-Доржи Шарапова, с которым удалось обсудить многие важные моменты [Дашковский, Бичелдей, Монгуш, 2024: 224–228]. Главным вопросом, требующим незамедлительного решения, было получение права ведения официальной деятельности буддийского центра в местности Кызыл-Чыраа Дзун-Хемчикского района области. Как отмечают исследователи, к этому времени буддийский центр по своей устроенности и организованности определенным образом приближался к деятельно-

сти монастырей [Хомушку, 2024: 84]. На тот момент в Кызыл-Чыраа, помимо храма-юрты, были расположены 6 деревянных избушек, 6 войлочных юрт [НА НМ РТ. Ф.Ф. 1. 1/1. Д. 165–2. Л. 392; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 550. Л. 46].

Делегатами централизованной буддийской организации во главе с Е.-Д. Шараповым тувинским ламам были разъяснены требования советского законодательства и определена общая тактика дальнейших действий. Две ламы, Адья и Кенден-Сурун Хомушку, были приглашены и зачислены в штат Иволгинского дацана в Бурятии [Хомушку, 2024: 84; Опей-оол, 2007: 74]. Считается, что приезд духовного лидера советских буддистов, с одной стороны, способствовал некоторой дисциплине лам молитвенной юрты, а с другой — активизации «их в стремлении добиться регистрации общины» [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 548. Л. 93].

В апреле 1958 г. ЦДУБ СССР направил ламу Кенден-Суруна Хомушку обратно в Тувинскую область, «поручив ему провести собрание лам и верующих» [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 548. Л. 93]. Усилиями руководителя буддийской религиозной организации из Улан-Удэ в молитвенную юрту в местности Кызыл-Чыраа были безвозмездно направлены культовые и бытовые предметы (халаты, трактаты и др.) [Хомушку, 2024: 84; Монгуш, 2001: 122; Опей-оол, 2007: 74; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 548. Л. 93].

Через месяц после встречи с Кенден-Суруном Хомушку в мае 1958 г. буддисты подали документы в Тувинский облисполком с просьбой зарегистрировать их общину [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 548. Л. 92]. В заявительных документах был приложен протокол решения собрания общины и список из 24 лам и 130 ее членов. На этом собрании буддисты избрали комиссию в составе ламы Чамдылая Тюлюша и ее члена Чамьяна Ондара [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 548. Л. 92]. Ответственным за регистрационные дела и процедуру в целом был назначен Чамьян Ондар. При этом Чамдылай Тюлюш уже не указывается как настоятель молитвенной юрты, поскольку уже в январе 1958 г. произошла смена руководителя общины и им стал лама Тере-Комбу Тюлюш [Хомушку, 2024: 84]. Нами было установлено, что еще в 1957 г. в буддийском центре не было избранных руководящих лиц, но их идейными руководителями были два известных и авторитетные ламы Чульдун-Мунзук и Чульдун-Лобсан [Дашковский, Бичелдей, Монгуш, 2024: 224–228]. Тюлюш Чамдылай на тот период активно вел запрещенную советской властью культовую деятельность, поэтому его дальнейшее руководство общиной, безусловно, могло негативно повлиять на ее юридическое оформление [Дашковский, Бичелдей, Монгуш, 2024: 227]. На фоне усиления влияния лам местная власть в его действиях видела грамотные шаги по пропаганде буддийской религии [Опей-оол, 2007: 73]. В процессе его деятельности число прихожан в буддийском центре увеличивалось за счет сельской молодежи и интеллигенции. Возможно, по этой причине буддисты избрали нового настоятеля храма-юрты в лице Тере-Комбу Тюлюша, который в прошлом имел ученую степень *кешпи* и духовный сан *гелонг*. По уровню подготовки среди лам того времени он считался наиболее влиятельным духовным лицом [Опей-оол, 2007: 73–74]. Следует отметить, что в документах рассматриваемого периода его, возможно, также казывают Дандаром Седиповичем Комбу [НА НМ РТ. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165–2. Л. 1, 80]. Этот момент требует от исследователей дальнейшего уточнения и прояснения.

Во всяком случае, с 1958 г. Т-К. Тюлюш был настоятелем, во время деятельности которого авторитет молитвенной юрты возрос еще больше, а количество прихожан увеличилось по сравнению с предыдущими годами. Об этом свидетельствует и то, что, если к концу 1958 г. в кассе было оприходовано 13 тысяч рублей, то в 1960-м — уже свыше 45 тысяч [Хомушку, 2024: 84; Опей-оол, 2007: 74; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 550. Л. 46]. Значительную сумму денег верующие собирали на строительство стационарного культового объекта, наличие которого входило в перечень обязательных требований в советском законодательстве для проведения регистрационных процедур [Монгуш, 2001: 121]. К примеру, если взять Бурят-Монгольскую АССР, то доходы и примерное количество посещений Иволгинского дацана за исследуемый период росли аналогично. Так, в 1958 г. его посетило 4850 чел. и денег пожертвовано 822 тыс. руб., 1959 г. — 4900 чел. и 1025 тыс. руб. и в 1960 г. — 4700 чел. и 1147 тыс. руб. [Горбатов, 2008: 344]. При этом, как мы видим, снижение количества посещений дацана верующими людьми не повлияло на уменьшение суммы их пожертвований. Собранные деньги тувинских буддистов хранились вначале в казне у руководителей храма-юрты, а впоследствии в сберегательной кассе г. Чадана на счету, открытом на имя ламы Тере-Комбу Тюлюша [Опей-оол, 2007: 75; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 550. Л. 46]. В буддийском центре на тот момент на постоянной основе служили 18–20 лам [Опей-оол, 2007: 74; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 550. Л. 45–46]. Известно также, что они платили налог [НА НМ РТ. Ф. Ф. 1. 1/1. Д. 165–2. Л. 392].

Возвращаясь к ходатайству буддистов о регистрации их общины и своеобразного (войлочного) культового объекта, поданному в мае 1958 г., отметим, что спустя месяц секретарь Тувинского облисполкома Г.В. Иванов направил секретное письмо председателю Совета по делам религиозных культов при СМ СССР А.А. Пузину с целью изложить новые намерения советской власти в отношении последователей буддизма в регионе [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 548. Л. 92]. Представители местной власти ранее по разным мотивам отклоняли ходатайства буддистов и не допускали к регистрации их общину в местности Кызыл-Чыраа, опасаясь усиления влияния лам на население Дзун-Хемчикского района и области в целом [Дашковский, Бичелдей, Монгуш, 2024: 218]. Из данного письма известно, что, если ранее партийные и советские работники допускали единственное мнение о том, что отказ в регистрации приведет к окончательному прекращению деятельности буддийской общины, то теперь, накануне принятия октябрьского антирелигиозного постановления в этом же 1958 г., они впервые решили наоборот установить над ей контроль путем ее регистрации [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 548. Л. 92; НА НМ РТ. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165–2. Л. 384].

На изменение решения местной власти повлияло и использование незарегистрированными ламами способов лечения тибетской медициной, которые они открыто применяли, несмотря на запреты органов власти [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 548. Л. 93]. Известен даже случай проведения оздоровительных процедур при молитвенной юрте с установлением деревянной ванны с *аржааном* (водой целебного источника) [Опей-оол, 2007: 73]. Бродячие ламы осуществляли религиозную деятельность по всей области, и их влияние еще больше возрастало среди ее населения. Местные органы власти хотели приостановить этот процесс путем регистрации буддийских священнослужи-

телей в ограниченном количестве и сосредоточения их только в одном месте, где располагается буддийский центр [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 550. Л. 46]. Тувинский исполнительный комитет областного Совета депутатов трудящихся с согласия местных директивных органов пришел к выводу о возможности и необходимости регистрации буддийской общины в регионе [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 548. Л. 93].

Секретарь Тувинского облисполкома Г.В. Иванов в своем документе, отправленном в Совет по делам религиозных культов при ЦК КПСС, отмечал, что без регистрации ламы были «плохо контролируемые», вели работу среди населения по собственному усмотрению, применяя всевозможные религиозные приемы, методы и способы [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 548. Л. 93]. Подношения верующих людей в знак благодарности священнослужителям за их помощь расценивались чиновниками как факты вымогательства и взятки. Свои суждения, вероятно, он писал и на основе информационных отчетов коллег, исполнявших ранее обязанности уполномоченного указанного Совета.

Следует подчеркнуть, что Г.В. Иванов в изучаемый период стал уполномоченным Совета по делам религиозных культов и уполномоченным Совета по делам Русской православной церкви при ЦК КПСС по Туве на постоянной основе. Положительным моментом является то, что в период его деятельности как регионального уполномоченного была прослежена динамика религиозной ситуации в регионе с первых лет включения Тувы в состав СССР [Ахмадуллин, 2023: 137]. Ходатайство о юридическом оформлении буддийской общины от имени местной власти он возбудил 5 июня 1958 г., которое 16 сентября того же года было удовлетворено [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 550. Л. 46; Д. 548. Л. 94].

Важно подчеркнуть, что на первом этапе хрущевской антирелигиозной кампании с 1955 по 1957 г. советское государство к религии выражало относительно нейтральное отношение [Горбатов, 2008: 165–166; Дашковский, Дворянчикова, 2015: 75]. В данной благоприятной обстановке, как следствие, центральным руководством принимались и лояльные решения в пользу религиозных общин, безусловно, с учетом мнения власти на местах. В Туве активная деятельность лам вызывала беспокойство у государственных органов [Хомушку, 2024: 88: 24; Монгуш, 2001: 122]. Еще в 1957 гг. Иванов как и. о. уполномоченного Совета по делам религиозных культов по Тувинской автономной области вносил предложение в местные органы власти осуществить государственную регистрацию буддийской общины [Опей-оол, 2007: 75]. Ходатайства буддистов, поданные в 1958 г., были все же удовлетворены в текущем году положительным решением Совета. Однако в скором времени оно было изменено. Причина тому — резкая смена вектора государственной политики в области религии в сторону ее ужесточения с момента укрепления в стране власти Н.С. Хрущева. Выход антирелигиозного постановления от 4 октября 1958 г. изменил ситуацию буддистов в отрицательную сторону.

В истории советских государственно-конфессиональных отношений судьба религиозных обществ зависит от политической ситуации и конъюнктуры внутри и вовне страны. Октябрьское постановление 1958 г. вновь активировало в регионах атеистическую деятельность советских органов [Горбатов, 2008: 167; Дашковский, Дворянчикова, 2015: 76]. В соответствии с новым курсом советской религиозной политики на втором этапе хрущевской кампании чиновники вернулись к прежнему вектору реализа-

ции вероисповедной политики, направленному на прекращение деятельности буддийского центра в местности Кызыл-Чыраа в регионе.

В своей информационной справке «О буддийской общине Тувинской автономной области» от 7 сентября 1960 года на имя председателя Совета по делам религиозных культов при СМ СССР А.А. Пузина Г.В. Иванов разъясняет ситуацию, сложившуюся с буддистами в Туве [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 550. Л. 45]. В документе он пишет, что при попустительстве местных органов власти в регионе после его вхождения в советское государство несколько лам продолжили религиозную практику и организовали (с 1946 г.) деятельность молитвенной юрты, хотя в области на тот момент не имелось стационарных храмов. Отмечается и факт того, что служители буддийского культа неоднократно добивались регистрации своего войлочного храма и ставили «вопрос о разрешении строительства *дугана* — молитвенного дома» [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 550. Л. 46]. Однако позиция Совета по делам религиозных культов при СМ СССР в пользу буддистов в скором времени изменится после выхода нового антирелигиозного постановления от 4 октября 1958 г. Вся деятельность регионального уполномоченного Г.В. Иванова отныне была направлена на ликвидацию общины и закрытие их храма-юрты в рамках усиления советской государственно-конфессиональной политики в конце 1950-х гг.

В конце 1958 гг. В. Иванов выезжает в г. Чадан на встречу с ламами молитвенной юрты и в целом с целью оценки положения дел в буддийском центре. При беседе с ними он сообщает о том, что вопрос регистрации общины разрешен и что для практического его осуществления требуется подготовительная работа в виде составления списка лам, которые могли бы стать членами общины [Опей-оол, 2007: 71]. Руководством молитвенной юрты был представлен список, в который был включен 21 лама, но количество духовных лиц не устраивало уполномоченного, поэтому он рекомендовал оставить лишь 12 человек [Хомушку, 2024: 88]. Г.В. Иванов пояснил руководству молитвенной юрты, что для дальнейшей работы необходимо из них оставить только 12 лам и получить на них представление из ЦДУБ СССР в Улан-Удэ. Буддийское духовенство возлагало надежду на будущее, хотя и вынуждено было подчиняться советским органам власти. В принципе обеим сторонам, можно сказать, было известно двойственное положение дел и характер принимаемых решений в исторических реалиях того времени, когда шла борьба традиционных (старых) устоев и современных (новых) тенденций в обществе [НА НМ РТ. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165–2. Л. 389].

Летом 1959 г. руководитель молитвенной юрты лама Тере-Комбу Тюлюш был приглашен в единый духовный центр советских буддистов в Улан-Удэ на молитвенное собрание. Его передвижения на тот момент можно проследить по справке, выданной еще 30 июня 1958 г., где отмечены даты пребывания в Хамбинском суме (с 8 по 16 июля 1959 года) [НА НМ РТ. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165–2. Л. 1.]. Во время этой поездки он, по настоянию Г. Иванова, согласовал с председателем Е-Д. Шараповым список, состоящий из 12 человек [НА НМ РТ. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165–2. Л. 2, 82; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 550. Л. 46]. Следует отметить, что количество этих лам и их имена предварительно были рассмотрены региональным уполномоченным. Вернувшись в Кызыл, лама Т-К. Тюлюш передает Г. Иванову письменное согласие Е-Д. Шарапова на регистрацию указанных свя-

щеннослужителей в качестве учредителей молитвенной юрты в Кызыл-Чыраа. В свою очередь, Г. В. Иванов потребовал от Тере-Комбу оставить при молитвенной юрте только 12 лам из списка, а остальным служителям культа предложил выехать в свои районы на места постоянного жительства. Подобное решение и условия буддийским священнослужителям не понравились, и потому они не подчинились требованиям местной власти, оставшись дальше жить и заниматься духовной деятельностью на территории молитвенной юрты [Опей-оол, 2007: 76]. Известно, что и в Читинской области при Агинском дацане было зарегистрировано также 12 лам, но из них только 4 человека служили, а остальные были в других районах [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 1595. Л. 11]. В Бурятской АССР советская власть, наоборот, хотела увеличить число зарегистрированных служителей культа при Иволгинском дацане до 25–30 человек для сокращения деятельности и влияния на население бродячих лам [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 1595. Л. 21]. В итоге их количество в дацане довели до 28 человек, а затем новую регистрацию лам могли произвести лишь взамен бывших лам, что было принципиальной позицией органов исполнительной власти [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 1596. Л. 22]. В Бурятии проблема взаимоотношений власти и религии имела иную специфику, чем в Туве. Уполномоченный Совета по Тувинской автономной области Г. В. Иванов, наблюдая «неконструктивную» реакцию лам, делает выводы, что результаты по осуществлению регистрации общины тувинских лам, направленные в конечном итоге на установление контроля над их деятельностью, привели не к сокращению деятельности буддистов в области, а, наоборот, к их усилению. [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 550. Л. 47].

В январе 1959 г. Г. В. Иванов принял участие в работе совещания уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви при СМ СССР в Москве [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 550. Л. 47]. Там он изложил свои сомнения по поводу деятельности тувинских буддистов заместителю председателя Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР В. Ф. Рязанову и поставил вопрос о проведении работы, направленной на ликвидацию и роспуск буддийской общины тувинских лам [Опей-оол, 2007: 76]. Региональная власть, начиная с этого момента, сославшись на несоблюдение советского законодательства о религиозных культах, на всех уровнях начала вести борьбу, направленную на запрет деятельности лам. С этой целью в области были организованы различные мероприятия по разоблачению и притеснению буддийского духовенства.

Агитационно-пропагандистские мероприятия в регионе в первую очередь начались с публикации материалов в печатных изданиях «Шын» и «Тувинская Правда», которые, естественно, писались с целью отторжения жителей от религии и выработки у них атеистического мировоззрения [Монгуш, 2022: 57]. Так, например, в газете «Шын» («Правда») 18 июля 1959 г. под № 142 была напечатана «заказная» статья под названием «Сарыг шажыннын салдадар-хамаарылагы-биле демиследи куштелдирер» — «Усилить борьбу с влиянием буддийской религии» [Хомушку, 2024: 88; Опей-оол, 2007: 76]. В этой статье ставился вопрос о примиренческом отношении местных органов власти к незаконно функционирующей молитвенной юрте и нарушении ламами советских законов о культах (врачевание, совершение религиозных обрядов и др.) [Опей-оол, 2007: 76–77]. В антирелигиозной публикации на конкретных примерах не только приводил-

ся «паразитический» образ жизни отдельных лам, но и подтверждалась правильность выдвинутых в нем вопросов [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 550. Л. 46].

В следующих номерах региональной газеты «Шын» напечатано около 25 писем и подобных работ в поддержку названной статьи, после выхода которых местная власть в тувинском обществе вызвала, можно сказать, общественный резонанс [Хомушку, 2024: 88; Монгуш, 2022: 59]. Партийные и советские органы опасались организованных протестов и выступлений со стороны лам и верующих районов Западной Тувы, особенно Дзун-Хемчикского района, поэтому они активно проводили против них протоколизированные собрания трудовых коллективов [НА НМ РТ. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165/1. Л. 73, 74–76, 77–79]. Всего было проведено 64 собрания с участием 9600 человек, из которых 320 участников выступили с осуждением деятельности лам. Кроме того, проведено 4 атеистических вечера и прочитано 50 лекций и бесед на антирелигиозные темы [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 550. Л. 48]. С заказной работой были ознакомлены и ламы местности Кызыл-Чыраа. Их обвиняли также в том, что в буддийском центре не было учета поступающих от прихожан денежных средств и материальных ценностей в целом, что создавало якобы благоприятные условия для их хищения и растранижирования. В Чите буддийское духовенство официально функционирующего Агинского дацана ввело бланки для учета пожертвований верующих людей с целью недопущения подобных обвинений в их адрес [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 1595. Л. 11]. Зарегистрированные ламы имели специальную книгу или тетрадь, куда после совершения религиозных обрядов они должны были записывать не только деньги, но и продукты и иные вещи. По этим записям они докладывали дацану и получали от него денежное содержание на 800 рублей. В Бурятии местная власть контролировала доходы Иволгинского дацана. К примеру, за 1959 г. и за 8 месяцев 1960 г. его служители культа сдали 708513 рублей [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 1595. Л. 28–29]. Кроме того, в натуральном виде внесены такие продукты, как зерно, мясо, масло, сахар, чай и т.п. Бурятские чиновники в исследуемый период усилили наблюдение за тем, на какие цели и в каких размерах расходуются средства дацана и Центрального духовного управления буддистов СССР [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 1595. Л. 38]. Среди них тувинский лама Кенден-Сурун Хомушку в общей сумме внес в кассу 10100 рублей [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 1595. Л. 28].

В итоге на втором этапе хрущевской антирелигиозной кампании идеологические мероприятия, которые носили агрессивный и наступательный характер, привели к уменьшению числа прихожан буддийского центра в Дзун-Хемчикском районе. Если до выхода антирелигиозного постановления от 4 октября 1958 г. в храм-юрту приходило в среднем 60–100 человек в месяц, то с выходом постановления уже в августе-октябре 1959 г. — всего 25–30, а в начале 1960 г. и того меньше [Хомушку, 2024: 88; Опейко, 2007: 77; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 550. Л. 46]. В Кызыл-Чыраа перестали приезжать и верующие из других районов области. Тем не менее, в буддийском центре продолжали постоянно находиться 18–20 лам, часть из которых принимала непосредственное участие в религиозных службах наряду с теми, кто просто жил при молитвенной юрте. За врачевание и знахарство ламы Чамдылай Тюлюш, Салчак Чимба обвинялись в систематическом нарушении советского законодательства [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 550. Л. 49]. При этом и в 1959 г. ЦДУБ СССР из Бурятии в Туву по-прежнему коман-

дировал Кенден-Суруна Хомушку с целью решения вопросов, связанных с дальнейшим функционированием молитвенной юрты и лам на официальной основе [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 550. Л. 46].

Усиление советской государственно-конфессиональной политики во многом связано с выходом постановлений ЦК КПСС от 13 января 1960 г. «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах» [Горбатов, 2008: 170; Дашковский, Дворянчикова, 2015: 76]. После его принятия антирелигиозная кампания выходит на новый уровень [Горбатов, 2008: 170]. В нем особое внимание обращается на сосредоточение права управления религиозными общинами не в руках выборных органов из числа верующих, а у служителей культа, которые используют его в интересах развития своего вероучения. Региональный уполномоченный Г. В. Иванов в информационном документе за 1960 г. отмечал, что после проведенных мероприятий какого-либо руководства и организационной жизни у буддийской общины не имелись [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 550. Л. 49]. В нем о Тере-Комбу Тюлюше говорится, что он не смог или не хотел организовать деятельность лам в духе строгого соблюдения советского законодательства. Внимание председателя Совета по делам религиозных культов при СМ СССР А. А. Пузина он акцентирует на отсутствие у него светского образования и что он выходец из «феодальной семьи». Дело в том, что на втором этапе хрущевской антирелигиозной кампании ликвидации подвергались те общины, которые пришли в упадок. При этом в архивных материалах исследуемого времени из-за проблем с регистрацией общины Т-К. Тюлюш в целом указан как то просто лама, то временно исполняющий должность настоятеля, то руководитель, то председатель молитвенной юрты [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 550. Л. 49; НА НМ РТ. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165–2. Л. 1, 66, 67, 80].

В феврале 1960 г. уполномоченный Г. В. Иванов собрал буддийское духовенство и поставил вопрос о прекращении деятельности молитвенной юрты, мотивируя тем, что в сложившихся условиях и обстоятельствах община не может дальше существовать в области [Хомушку, 1988: 25; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 550. Л. 49]. Руководителю буддийского центра Тере-Комбу Тюлюшу дал задание, чтобы он в течение 2–3 месяцев представил сведения о том, куда ламы выедут на постоянное место жительства. В начале марта 1960 года в Кызыл-Чыраа остаются еще 18 лам. Кроме того, Г. В. Иванов характеризовал буддийских священнослужителей при молитвенной юрте как преимущественно возрастных и престарелых людей, многие из которых имеют серьезные заболевания, в т. ч. и душевные [Опей-оол, 2007: 78; НА НМ РТ. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165–2. Л. 390; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 550. Л. 51]. Аналогичная тенденция наблюдается и в Бурятии. Бурятские чиновники в 1961 г. в информационных отчетах писали, что ламы Иволгинского дацана из года в год стареют и их трудоспособность и здоровье снижается [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 1595. Л. 70]. В связи с этим они прогнозируют постепенное ослабление влияния служителей культа на население и отсутствие перспектив длительного существования их учения в регионе [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 1595. Л. 77]. Тувинская власть расценивала представителей буддийского духовенства как шарлатанов, а местность Кызыл-Чыраа, где они вели религиозную службу и деятельность, местом простого сборища фанатиков [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 550. Л. 49]. При этом ламы молитвенной юрты состояли на учете в Хайыраканском сельсовете Дзун-Хемчикского райо-

на. Из них четверо человек были зарегистрированы в качестве членов колхоза [Опей-оол, 2007: 78]. Хомушку Ламажап, Хомушку Сегбе, Тюлюш Санчат, Соян Чымба относились к простым ламам, а к служителям культа, которые больше времени проводят в родовых местах, считались Ондар Даваа, Оюн Чанзан, Оюн Седен, Тюлюш Санчай.

Нужно обратить внимание на то, что в апреле 1960 года в Москве состоялось очередное совещание уполномоченных по делам религиозных культов СССР. После этого мероприятия Г. В. Иванов вновь информировал зам. председателя Совета по делам религиозных культов при СМ СССР В. Ф. Рязанова о проведенных мероприятиях по ликвидации буддийской общины в Тувинской автономной области и о своих намерениях по более эффективному их осуществлению [Опей-оол, 2007: 78]. На это региональный уполномоченный от В. Ф. Рязанова получает принципиальное согласие на его действия по ликвидации буддийской общины, но с учетом конкретной обстановки на месте и исходя из мнения директивных органов власти. Однако Совет делам религиозных культов при СМ СССР уполномоченному А. Е. Матвееву по Читинской области рекомендовал не проводить меры административного характера в отношении лам, когда он хотел перевести зарегистрированных лам из районов на постоянное место жительства в действующие дацаны. Советские власти в тех регионах, где буддийские общины были зарегистрированы, не хотели вызывать «законное недовольство населения», что в целом, по их мнению, нанесет вред атеистическому воспитанию, да и приведет к оживлению деятельности бродячих лам, знахарей, шаманов и т. п. [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 1595. Л. 49]. Коммунистическая партия и государство «заботились» о формировании у жителей Читинской области и Бурятской АССР правильного представления о свободе вероисповедания и отправления культа, поскольку делегации из буддийских стран могли посетить Иволгинский и Агинский дацаны, поэтому важно было сформировать у международного сообщества позитивное представление о реализации свободы совести в СССР [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 1595. Л. 18]. К примеру, посол Цейлона и почетный президент Всемирного братства буддистов Малаласекера после пребывания в Бурятии дал большое интервью ТАСС о том, что бурятский народ живет хорошо и советские буддисты за религию не преследуются, а наоборот, они могут беспрепятственно молиться и посещать храмы [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 1595. Л. 100].

2 июня 1960 г. Г. В. Иванов в буддийском центре в местности Кызыл-Чыраа Тувинской автономной области созвал последнее собрание лам и довел до их сведения информацию о полном прекращении деятельности молитвенной юрты [Хомушку, 2024: 88]. Местная власть из-за отсутствия регистрации буддийской общины определяла ее как «секту» [НА НМ РТ. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165–2. Л. 378]. На втором этапе хрущевской кампании, на фоне жесткого антирелигиозного давления и натиска, ламы смиренно приняли решение тувинских чиновников [Опей-оол, 2007: 78].

В Дзун-Хемчикском районе для ликвидации буддийской общины и их молитвенной юрты была создана специальная комиссия под руководством председателя местного райисполкома М. К. Базыр-оола [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 550. Л. 50; НА НМ РТ. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165–2. Л. 66]. Комиссия 21 июня 1960 г. приняла все культовое имущество и хозяйственный инвентарь, а также денежные суммы, находившиеся на текущем счету в Чадане в сберегательной кассе, по акту в пользу государства [Хомушку, 2024:

88; Опей-оол, 2007: 70, 79]. По сведениям Г.В. Иванова, деньги в сумме 37863 рублей, облигации 3-процентного займа на сумму 1500 рублей, а также 3 головы крупного рогатого скота на общую сумму 2012 рублей, а всего 41375 рублей были зачислены в областную бюджет [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 550. Л. 50; НА НМ РТ. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165–2. Л. 66]. Из протокола общего собрания лам буддийского центра известно, что ламы денежные средства рекомендовали определить на нужды детям и траты по линии культуры в области [НА НМ РТ. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165–2. Л. 64]. Хозяйственный инвентарь на сумму 775 рублей на безвозмездной основе был передан соседнему колхозу имени Сталина Хайыраканского сельсовета Дзун-Хемчикского района, а все культовое имущество по особому акту и с согласия лам передано областному краеведческому музею [НА НМ РТ. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165–2. Л. 67–71]. Примечательно, что лама молитвенной юрты Тере-Комбу Тюлюш сам лично в течение 20 дней работал в областном краеведческом музее по проведению обработки полученного из юрты в музей культового имущества [Опей-оол, 2007: 70–79].

Буддийские священнослужители, находившиеся в хурээ, выехали по желанию в те районы области, где у них проживают либо родственники, либо знакомые. Для переезда к месту жительства ламам был предоставлен транспорт, а из средств, имевшихся в хурээ, выдано пособие в размере 250 рублей каждому из них [Опей-оол, 2007: 79; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 550. Л. 50]. Юрты и дома, которые были в буддийском центре, перевезены с местности Кызыл-Чыраа [НА НМ РТ. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165–2. Л. 63]. Земельный участок буддийского центра в местности Кызыл-Чыраа исполком Дзун-Хемчикского районного Совета депутатов трудящихся определял как пахотную землю Чаданской станции искусственного осеменения сельскохозяйственных животных [НА НМ РТ. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165–2. Л. 384].

По информации, составленной Г.В. Ивановым по состоянию на 7 сентября 1960 г., со стороны буддийского духовенства и последователей их учения в местные органы власти не поступало никаких жалоб и заявлений, связанных с прекращением деятельности молитвенной юрты [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 550. Л. 51]. При этом тувинские чиновники, можно сказать, не исключали определенных протестов или выступлений со стороны лам и верующих [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 1596. Л. 106; НА НМ РТ. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165–2. Л. 286]. В протоколе последнего собрания лам коммунистическая власть добилась написания в нем лозунгов «За Советское Правительство, за мир!» после того, как они там же признали, что буддизм является «пережитком прошлого» и поняли суть ликвидационной работы в отношении них [НА НМ РТ. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165–2. Л. 65]. Для сравнения отметим, что в Бурятии верующие буддисты обращались с ходатайством о введении в эксплуатацию Гусинноозерского дацана [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 1596. Л. 25]. В благоприятных условиях начального этапа хрущевской кампании был отремонтирован дацан. Однако затем, согласно заявлению 50 верующих-буддистов, которые писали, что он 3 года пустует, в нем была размещена мастерская по производству клубно-библиотечного оборудования [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 1596. Л. 32].

Приостановив функционирование молитвенной юрты и буддийской общины в Тувинской автономной области, Г.В. Иванов написал письмо в Совет по делам религиозных культов при Совете Министров СССР, в котором излагал просьбу поставить

в известность председателя ЦДУБ СССР (Улан-Удэ) Шарапова о полном прекращении деятельности буддистов в Туве [Опей-оол, 2007: 79–80; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 550. Л. 50]. А также он убедительно просил центральное руководство дать Е-Д. Шарапову соответствующие указания на этот счет. Кроме прочего, Г.В. Иванов в своем письме подчеркнул, что для руководства региона совершенно нежелательно, чтобы состоящий в штате Иволгинского дацана лама-тувинец Кенден-Сурун Хомушку командировался по какому-либо поводу в Туву. По соображениям регионального уполномоченного приезд ламы Кенден-Суруна в Тувинскую автономную область будет только вновь возбуждать часть лам к возобновлению деятельности буддийской общины [Хомушку, 2024: 88; Опей-оол, 2007: 80].

Вслед за этим на письмо 30 сентября 1960 г. в Туву приходит официальный ответ председателя Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР А.А. Пузина о том, что уполномоченному по Бурятской АССР дано соответствующее поручение. Очуржапов в рамках своей деятельности сообщил Пандито Хамбо-ламе Шарапову о прекращении с июня 1960 г. деятельности молитвенной юрты и рекомендовал ему не направлять по религиозным делам в Тувинскую автономную область ламу Кендена-Суруна Хомушку, проживающего в Иволгинском дацане [НА НМ РТ. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165–2. Л. 72]. Кроме того, в 1963 г. по болезни умирает Е-Д. Шарапов, и в Улан-Удэ органы власти и духовенство в Бурятии готовятся к проведению выборов главы советских буддистов — председателя ЦДУБ СССР [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 1597. Л. 44–45].

В связи с прекращением деятельности буддийского центра партийным и советским органам области на местах принимались необходимые меры для усиления научной и антирелигиозной пропаганды среди населения. Ламам было разъяснено, что поскольку они не подлежат государственной регистрации, то их частная религиозная практика не разрешается. Районным и сельским Советам было дано указание об усилении контроля за деятельностью лам и принятии мер, направленных на их вовлечение в общественно полезный труд, особенно молодых, здоровых и трудоспособных служителей культа [РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 550. Л. 50]. В архивном документе называются, к примеру, колхозы области: «Победа» и «Вперед» в Чаа-Хольском районе, «Победа» в Бай-Тайгинском районе, «Красный пахарь» в Дзун-Хемчикском районе [НА НМ РТ. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165–2. Л. 62]. Кроме того, в нем указывается и Государственная станция искусственного осеменения сельскохозяйственных животных в той самой местности Кызыл-Чыраа вблизи г. Чадана.

На втором этапе хрущевской атеистической кампании 16 марта 1961 г. вышло постановление СМ СССР «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах» [Горбатов, 2008: 170; Дашковский, Дворянчикова, 2015: 76]. На региональном уровне бюро Тувинского обкома КПСС и исполнительный комитет Тувинского областного совета депутатов трудящихся 12 мая 1961 г. издали постановление «Об усилении контроля за выполнением законодательства о религиозных культах» [НА НМ РТ. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165–2. Л. 203–207, 212–216; 412–418, 419–425]. В нем критике подверглась деятельность горкома, райкомов КПСС и облисполкома, райисполкомов Советов за ослабление государственного контроля за религиозными объединениями и их духовенством. Причиной тому служили факты нелегального совершения религиозных

обрядов, к примеру, бродячими ламами и шаманами в Бай-Тайгинском, Барун-Хемчикском, Дзун-Хемчикском и Улуг-Хемском районах. В названном постановлении региональным властям, несмотря на ликвидацию буддийского центра, предписывалось усилить контроль путем изучения деятельности его бывших лам наряду с бродячими и проведения среди населения антирелигиозных мероприятий.

Региональный уполномоченный Г.В. Иванов в своей деятельности по регулированию религиозных процессов использовал «Инструкцию по применению законодательства о культах», вышедшей в том же 1961 г. [НА НМ РТ. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165–2. Л. 217–225]. По постановлению области от 12 мая 1961 г. местные райкомы КПСС и райисполкомы обязали взять на учет всех лам и шаманов, проживающих в районах области [НА НМ РТ. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165–2. Л. 214]. Особое внимание при проведении атеистической пропаганды уделялось индивидуальной работе с верующими по отрыву их от религии [НА НМ РТ. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165–2. Л. 212–213]. По указанию секретаря Тувинского обкома КПСС С. Тока и председателя Тувинского облисполкома М. Мендуме в городских и районных исполкомах созданы специальные комиссии по наблюдению за исполнением законодательства о культах с включением в ее состав «наиболее опытных и политически грамотных работников из числа партийно-советского актива» [НА НМ РТ. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165–2. Л. 216; Л. 216].

В Туве с выходом антирелигиозных постановлений от 16 марта (на центральном уровне) и 12 мая (на региональном уровне) 1961 г. райисполкомами в феврале-марте 1962 г. был проведен единовременный учет религиозных обществ и групп с целью их контроля и владения религиозной ситуацией в целом [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 317. Л. 1–27; НА НМ РТ. Ф. Ф. 1. 1/1. Д. 165–1. Л. 413–414; НА НМ РТ. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165–2. Л. 308, 317–347]. Местная власть определила около 50 лам и шаманов, действующих в регионе на нелегальных основаниях, которые наиболее активно действовали в западных районах Тувы, где сосредоточена основная часть тувинского населения (Дзун-Хемчикском, Барун-Хемчикском, Бай-Тайгинском, Овюрском и, скорее всего, Сут-Хольском) [Хомушку, 2024: 89; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 1595. Л. 106; НА НМ РТ. Ф. Ф. 1. 1/1. Д. 165–2. Л. 286]. К примеру, в Дзун-Хемчикском районе лама Хорлуу Монгуш пытался превратить в молельню свою юрту, которую он поставил на территории колхоза «Красный пахарь». В нелегальном культовом объекте им были разложены ламские атрибуты, а над ним он вывесил религиозный флаг [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 1595. Л. 106; НА НМ РТ. Ф. Ф. 1. 1/1. Д. 165–2. Л. 286]. В Барун-Хемчикском районе ламы Кунзен и Баданчап вместо общественно-полезного труда занимались проведением религиозных обрядов. В Бай-Тайгинском районе, с точки зрения местной власти, вызывающе себя вел лама Савыр Салчак. В Овюрском районе длительное время беспрепятственно культовую деятельность вел шаман Чагар Донгак [Хомушку, 2024: 89].

Закрытие молитвенной юрты и ликвидация буддийского центра влияли на развитие буддийского учения в Туве в сторону его утраты. Институциональная практика служителей культа заменялась на внеинституциональную, что вело к увеличению числа целителей в народной среде [Хомушку, 2024: 94]. Ламы и шаманы вопреки всему, т.е. несмотря на пристальный контроль партийных и советских органов, занимались частной культовой практикой, и, соответственно, религия уходила в подполье [Монгуш, 2001:

123]. Уполномоченный Г. В. Иванов в своем информационном отчете на тот период отмечал, что в регионе «нет ни одной буддийской общины, которая могла бы быть взята на учет» [НА НМ РТ. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165–2. Л. 303]. Он утверждал, что разъехавшиеся в отдельные районы ламы местности Кызыл-Чыраа, несмотря на их попытки вести религиозную деятельность, не находят сколько-нибудь действенной поддержки со стороны населения области. В тувинском обществе проводились мероприятия по ликвидации нарушений советского законодательства о культах и в целом по государственному контролю за религиозными процессами.

Региональная власть с конца 1961 г. после принятия Президиумом Верховного Совета РСФСР указа «О преобразовании Тувинской автономной области в Тувинскую Автономную Советскую Социалистическую Республику» была занята реорганизационными процессами [История Тувы, 2016: 167]. В связи с этим делопроизводственные документы периода хрущевской антирелигиозной кампании ограничиваются 1962 г. [НА НМ РТ. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165–1; НА НМ РТ. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165–2]. Г. В. Иванов в связи с избранием его секретарем Президиума Верховного Совета Тувинской АССР 11 августа 1962 г. попросил снять с него и рекомендовал передать должностные обязанности регионального уполномоченного на управляющего делами Совета Министров Тувинской АССР тов. Н. К. Курбатского [НА НМ РТ. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165–2. Л. 415]. Ликвидацию буддийской общины местная власть назвала правильным мероприятием, положившим конец организованной деятельности буддистов в крае и лишившим их какой-либо надежды на ее расширение [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 1596. Л. 106].

Заключение

Таким образом, на втором этапе хрущевской антирелигиозной кампании (1958–1964 гг.) верующие граждане Тувы, включая буддистов, испытывали давление и натиск со стороны советских пропагандистов. В результате ее жестких мероприятий прекратила свое существование буддийская община и их молитвенная юрта в Дзун-Хемчикском районе. В регионе осталась функционировать лишь одна из двух общин Русской православной церкви в г. Кызыле.

В заключение отметим, что буддизм в Туве получил определенное развитие с вступлением региона в состав СССР. Оставшиеся в живых после антирелигиозной политики и репрессий ламы в реалиях советского государства вели культовую деятельность в местности Кызыл-Чыраа Дзун-Хемчикского района. Буддийская община региона была встроена в советскую систему государственно-конфессиональных отношений. Их курирующим центром на тот момент стало ЦДУБ СССР, которое всячески способствовало в получении ими государственной регистрации. Однако дальнейшего восстановления тувинской сангхи и строительства их культового здания не последовало.

Мероприятия государства по демократизации советского общества в годы «хрущевской оттепели» не коснулись конфессиональных образований в стране, но обернулись перегибами в отношении верующих граждан и их духовенства, включая и тувинских буддистов в регионе. На втором этапе хрущевской кампании обстановка в стране резко меняется в сторону усиления государственного контроля за конфессиями. Несмотря на определенные послабления, партийные и советские работники всегда придерживались жесткой линии в отношении религиозных обществ. Руковод-

ство советского государства в рамках политических нужд на мировой арене ограничивалось восстановлением буддизма лишь в Бурятии, а не во всех буддийских регионах. В Туве за счет принимаемых жестких мер и воздействия антирелигиозной политики и пропаганды в исследуемое время была ликвидирована буддийская община и закрыта ее молитвенная юрта.

В Туве за период деятельности буддийского центра с 1946 по 1960 гг. влияние лам на население вновь усиливалось. При этом со стороны партийных и советских работников требовалось установление государственного контроля путем их регистрации. Местная власть в связи с этим сначала вынуждено приняла, а потом отменила решение об их юридическом оформлении в годы хрущевской атеистической кампании. Буддийские священнослужители получали противоречивые и обезнадеживающие ответы на свои запросы. Мотивация любых решений тувинских чиновников сводилась к ограничению деятельности и ликвидации их общины. По этой причине в буддийском регионе вновь произошел перерыв в духовных традициях, как и после атеистических мероприятий и репрессий во времена существования суверенного тувинского государства.

Особенностью государственно-конфессиональных отношений в Туве в изучаемый период является назначение постоянного уполномоченного, который одновременно отвечал за взаимодействие с Советом по делам Русской православной церкви и Советом по делам религиозных культов при СМ СССР. В регионе антирелигиозное давление носило агрессивный и наступательный характер, поэтому годы реализации хрущевской кампании, как и по всей стране, являются тяжёлым временем для верующих. Тем не менее проблема бродячих лам осталась нерешенной, но благодаря им религиозные знания и традиции в том или ином виде сохранялись в народной среде.

Буддизм воспринимался советской властью как «пережиток прошлого» и являлся препятствием для развития Тувы, поскольку он отвлекал трудовое население от выполнения экономических планов и социалистического строительства в целом. Религиозные деятели буддизма продолжили свое существование в регионе в неорганизованном и подпольном виде до следующего религиозного возрождения в постперестроечный период. Инцидент, связанный с тувинской буддийской общиной и их войлочным храмом, является прецедентом и доказательством переменчивости и демонстративности характера атеистической политики СССР в целом.

Благодарности и финансирование

Работа подготовлена в рамках выполнения гранта РНФ «Социокультурная адаптация и взаимодействие религиозных общин центральноазиатских окраин России и Монголии в условиях модернизационных процессов во второй половине XIX — первой четверти XXI в.» (проект № 26-48-03003).

Acknowledgments and funding

The work was prepared within the framework of the Russian Science Foundation grant “Socio-cultural adaptation and interaction of religious communities in the Central Asian suburbs of Russia and Mongolia in the context of modernization processes in the second half of the 19th — first quarter of the 21st century” (project No. 26-48-03003).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ахмадуллин В.А. Деятельность Совета по делам религиозных культов в Туве (1944–1962) // Новые исследования Тувы. 2023. № 2. С. 125–140.

Горбатов А.В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940–1960-е годы. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2008. 408 с.

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 548.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 550.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 1595.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 1596

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 1597.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 317.

Дашковский П.К., Дворянчикова Н.С. Правовое положение христианских общин в 1953–1964 гг. // Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии: колл. монография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. Т. II: XX век. С. 75–83.

Дашковский П.К., Монгуш А.В. Положение религиозных общин в Туве в контексте становления советской системы государственно-конфессиональных отношений в середине 1940-х гг. // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 3. С. 525–539.

Дашковский П.К., Бичелдей У.П., Монгуш А.В. Положение буддийских общин в Туве в системе государственно-конфессиональных отношений СССР в середине 1950-х гг. // Народы и религии Евразии. 2024. № 29. С. 211–233.

История Тувы. Новосибирск: Наука, 2016. Т. III. 455 с.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Изд-во политической литературы. 1985. Т. 8. 535 с.

Научный архив Национального музея Республики Тыва (НА НМ РТ). Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165–1.

Научный архив Национального музея Республики Тыва (НА НМ РТ). Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165–2.

Монгуш А.В. Антирелигиозная пропаганда в СМИ в Туве в 1954–1964 гг. (на примере материалов региональных газет «Тувинская правда» и «Шын») // Религия и общество — 16: сборник научных статей. Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2022. С. 57–60.

Монгуш М.В. История буддизма в Туве (вторая половина VI — конец XX в.). Новосибирск: Наука, 2001. 200 с.

Опей-оол У.П. К истории создания и ликвидации буддийской молитвенной юрты в Кызыл-Чыраа (г. Чадаана, Дзун-Хемчикский кожуун) с 1946 по 1960 гг. // История и современность Тувы: сб. науч. ст. к 80-летию В.П. Дьяконовой. Кызыл: ГУП РТ «Тываполиграф», 2007. С. 69–80.

Терентьев А.А. Буддизм в России — царской и советской (старые фотографии). СПб.: Музей ГУЛАГа: изд-е А. Терентьева, 2014. 484 с.

Хомушку О.М. Религии в Туве: история и современность. Новосибирск: Наука, 2024. 176 с.

Reference

Ahmadullin V.A. Deyatel'nost' Soveta po delam religioznykh kul'tov v Tuve (1944–1962) [Activities of the Council for Religious Affairs in Tuva (1944–1962)]. *Novye issledovaniya Tuvy* [New Studies of Tuva]. 2023, no. 2, pp. 125–140 (in Russian).

Dashkovskiy P.K., Bicheldej U.P., Mongush A.V. Polozhenie buddiiskikh obshchin v Tuve v sisteme gosudarstvenno-konfessional'nykh otnoshenii SSSR v seredine 1950-kh gg. [The Situation of Buddhist Communities in Tuva in the System of State-Confessional Relations of the USSR in the Mid-1950s.] *Narody i Religii Evrazii* [Nations and Religions of Eurasia]. 2024, no. 29, pp. 211–233 (in Russian).

Dashkovskiy P.K., Dvoryanchikova N.S. Pravovoe polozhenie khristianskikh obshchin v 1953–1964 gg. [Legal Status of Christian Communities in 1953–1964]. *Religiozniy landshaft Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh regionov Tsentral'noi Azii: kollektivnaya monografiya* [Religious Landscape of Western Siberia and Adjacent Regions of Central Asia: coll. monograph]. Barnaul: Altai State University publ., 2015, vol. II: XX century, pp. 75–83 (in Russian).

Dashkovskiy P.K., Mongush A.V. olozhenie religioznykh obshchin v Tuve v kontekste stanovleniya sovetskoi sistemy gosudarstvenno-konfessional'nykh otnoshenii v seredine 1940-kh gg. [The Situation of Religious Communities in Tuva in the Context of the Formation of the Soviet System of State-Confessional Relations in the Mid-1940s]. *Oriental Studies*. 2024, vol. 17, no. 3, pp. 525–539 (in Russian).

Gorbatov A.V. *Gosudarstvo i religioznye organizatsii Sibiri v 1940–1960-e gody* [The State and Religious Organizations of Siberia in the 1940s-1960s]. Tomsk: Tomsk State University publ., 2008. 408 p. (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archives of the Russian Federation]. F. R-6991. Op. 3. D. 548.

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archives of the Russian Federation]. F. R-6991. Op. 3. D. 550.

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archives of the Russian Federation]. F. R-6991. Op. 3. D. 1595.

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archives of the Russian Federation]. F. R-6991. Op. 3. D. 1596

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archives of the Russian Federation]. F. R-6991. Op. 3. D. 1597.

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archives of the Russian Federation]. F. R-6991. Op. 4. D. 317.

Istoriya Tuvy [History of Tuva]. Novosibirsk: Nauka, 2016, vol. III, 455 p. (in Russian).

Khomushku O.M. *Religii v Tuve: istoriya i sovremennost'* [Religions in Tuva: history and modernity]. Novosibirsk: Nauka, 2024, 176 p. (in Russian).

KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsii i plenumov TsK [The CPSU in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences, and Plenums of the Central Committee]. Moscow: Publishing House of Political Literature, 1985, vol. 8, 535 p. (in Russian).

Mongush A.V. Antireligioznaya propaganda v SMI v Tuve v 1954–1964 gg. (na primere materialov regional'nykh gazet “Tuvinskaya pravda” i “Shyn”) [Anti-religious Propaganda in the Media in Tuva in 1954–1964 (Based on Materials from the Regional Newspapers

Tuvinskaya Pravda and Shyn)]. *Religiya i obshchestvo* — 16 [Religion and Society — 16]. Mogilev: Kuleshov Mogilev State University, 2022, pp. 57–60.

Mongush M. V. *Istoriya buddizma v Tuve (vtoraya polovina VI — konets XX v.)* [History of Buddhism in Tuva (Second Half of the 6th — End of the 20th Century)]. Novosibirsk: Nauka, 2001, 200 p. (in Russian).

Nauchnyi arkhiv Natsional'nogo muzeya Respubliki Tyva [Scientific Archives of the National Museum of the Republic of Tuva]. F. 1. Op. 1/1. D. 165–1.

Nauchnyi arkhiv Natsional'nogo muzeya Respubliki Tyva [Scientific Archives of the National Museum of the Republic of Tuva]. F. 1. Op. 1/1. D. 165–2.

Opej-ool U. P. K istorii sozdaniya i likvidatsii buddiiskoi molitvennoi yurty v Kyzyl-Chyraa (g. Chadaana, Dzun-Khemchikskii kozhuun) s 1946 po 1960 gg. [On the history of the creation and liquidation of the Buddhist prayer yurt in Kyzyl-Chyraa (Chadaana, Dzun-Khemchik kozhuun) from 1946 to 1960]. *Istoriya i sovremennost' Tuvy: sb. nauch. st. k 80-letiyu V. P. D'yakonovoi* [History and modernity of Tuva: collection. scientific Art. to the 80th anniversary of V. P. Dyakonova]. Kyzyl: GUP RT “Tyvapoligraf”, 2007, pp. 69–80 (in Russian).

Terent'ev A. A. *Buddizm v Rossii — tsarskoi i sovetskoi (starye fotografii)* [Buddhism in Russia — Tsarist and Soviet (old photographs)]. St. Petesrburg: Muzej GULAGa: Publishing house of A. Terentyev, 2014, 484 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 06.06.2026

Принята к публикации: 03.08.2026

Дата публикации: 30.09.2026